

Страницы прошлого

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Правовые акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг. как основа для моделирования механизма предотвращения сецессий

Эллина Эдуардовна ХАЩИНА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», 305000, ул. Радищева, д. 33,
Курск, Российская Федерация
E-mail: ellenberns1408@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5188-4377

ЦИТИРОВАНИЕ: Хашцина Э.Э. (2021) Правовые акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг. как основа для моделирования механизма предотвращения сецессий // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 52–73.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Статья поступила в редакцию 29.09.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00418.

АННОТАЦИЯ. Для современных государств сецессия является радикальным способом разрешения накопившихся противоречий с «материнскими» государствами, в состав которых они вошли в силу тех или иных причин. Еще со времен принятия Декларации независимости Соединенных Штатов 1776 г. в международной практике возникла традиция оформления сецессии особым актом о независимости, в котором его создатели описывали причины, побудившие принять столь радикальное решение, декларировалось верховенство законодательства отделившегося субъекта и содержалась просьба о признании суверенитета новообразованно-

го государства со стороны международного сообщества. Анализ таких актов может предоставить ценную информацию о причинах сецессии. Исследование данных причин значимо не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку на их основе могут быть разработаны правовые механизмы предотвращения сецессии в современных государствах. В рамках данной работы рассмотрены акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг., принятые в период распада социалистической системы в Восточной Европе. Будучи флагманами этого процесса, Эстония, Латвия и Литва в своих актах наиболее деталь-

но обосновали свой выбор, в связи с чем принятые ими декларации представляют безусловный интерес для правовой науки.

На основе метода моделирования исторических процессов и концепции *path dependence* (признания зависимости конечного результата от отдаленных и даже случайных событий прошлого), с учетом полученного в рамках анализа актов о независимости материала о причинах сецессии, предпринята попытка разработать модели «мягкой» сецессии прибалтийских республик, которая была бы возможна в случае выбора иного варианта поведения в точках бифуркации. В качестве основных точек «ветвления», открывающих «окна возможностей» для прибалтийских республик, автор называет разработку нового Союзного договора, реформы перестроечного периода, выбор вектора этнонациональной политики в союзных республиках, выбор правового основания и процедуры сецессии. Описываются негативные последствия сложившегося сценария развития отношений между Россией и прибалтийскими республиками и преимущества мирного разрешения конфликта между отдельным и «материнским» государством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сецессия, акты о независимости, причины сецессии, страны Прибалтики, распад СССР, *path dependence*

Введение

Актуальность исследования проблем, связанных с содержанием и условиями принятия актов о независимости прибалтийских республик, не вызывает сомнений в связи с нарастанием соответствующих тенденций в современном мире. С момента начала

распада социалистической системы в Восточной Европе прошло более тридцати лет, однако отложенные последствия этих событий в виде попыток отдельных национально-территориальных сообществ выйти из состава «материнских государств», образовавшихся в результате, имеют место в настоящее время. Активные кампании, выдвигающие лозунги в поддержку сецессии и самоопределения отдельных наций и территорий, действуют более чем в шестидесяти странах мира [Sambanis et al. 2017]. Универсальных способов разрешения такого рода конфликтов не существует, но научное сообщество продолжает поиск баланса между принципом государственного единства и правом народов на самоопределение. Несмотря на определенную достаточность обеспечения этого процесса нормами международного и европейского права, национальные правовые системы контрпродуктивны в этом отношении. Анализ состоявшихся сецессий, оценка требований отделяющейся стороны, а равно реакции материнского государства позволяют (пусть и с большой долей условности) смоделировать успешные варианты развития отношений между государствами [Андреева и др. 2019, с. 76].

Латвия, Литва и Эстония: путь к независимости

Прибалтийские республики – Латвия, Литва и Эстония – долгое время были объектом пересечения интересов крупных империй, претендовавших на контроль над их территорией. На протяжении XX в. неоднократно предпринимались попытки провозглашения суверенитета стран Прибалтики, однако фоном для этих событий выступала гражданская война и иностранная оккупация, что обусловило

критическую оценку данных событий в исторической литературе [Мельтюхов 2015]. Формированию прибалтийских государств как независимых республик в конце XX в. предшествовал один из наиболее известных примеров в истории сецессионизма – выход союзных республик из состава СССР и последующий за этим распад Советского Союза. Дискуссии о законности и целесообразности сецессии прибалтийских республик, развивавшейся вне контекста действовавшего законодательства, продолжаются [Feinstein 2010; Suesse 2019]. Последствия тех событий и в настоящее время отражаются на политических и экономических взаимоотношениях стран-правопреемников.

По итогам Первой мировой войны и революционных событий в России прибалтийские страны получили возможность заявить о своем праве на самоопределение. 24 февраля 1918 г. была провозглашена независимая Эстонская Республика, признанная правительством Советской России. Аналогичным образом развивались события в Латвии, объявившей о суверенитете 18 ноября того же года; схожая ситуация наблюдалась в Литве, на отдельной части которой в начале 1920-х гг. происходило формирование суверенной парламентской республики. Новообразованные государства были признаны международным сообществом, а ряд мирных договоров с Советской Россией подтвердил отказ бывшей метрополии от попыток установить контроль над данной территорией.

Взгляды историков на значение этого периода в истории Прибалтики радикально расходятся. Если в новейшей эстонской, литовской и латвийской литературе он оценивается как время роста национального движения, «сброса имперских оков» и утверждения государственности [Кяуна и др. 1999, с. 131], то в ряде исследований российских ис-

ториков и политологов прослеживается иной подход. Обретение независимости данными государствами рассматривается как результат стечения внешних обстоятельств, в числе которых распад Российской империи, поражение Германии в Первой мировой войне, поддержка стран Антанты, во многом определявших степень суверенности данных республик [Блищенко 2015, с. 30; Межевич 2019, с. 186]. Примечательно, что определенную роль западноевропейских стран в обретении собственной независимости не отрицают и современные прибалтийские историки [Граф 2007, с. 150].

Несмотря на то, что в дальнейшем прибалтийские республики на длительное время утратили обретенный суверенитет, этот опыт оказал значительное влияние на дальнейшую судьбу этих государств.

3–6 августа 1940 г. прибалтийские республики постановлениями, принятыми на VII сессии Верховного Совета СССР, были включены в его состав. Этому предшествовали события, которые по-разному оцениваются в современной историографии: подписание Договора о ненападении между СССР и Германией, к которому прилагался секретный протокол, зафиксировавший вхождение Латвии и Эстонии в сферу интересов Советского Союза. С разрешения руководства прибалтийских стран в октябре 1939 г. был введен ограниченный контингент Красной Армии, а в июне 1940 г. советское правительство предъявило Латвии, Литве и Эстонии ультиматум с обвинением правительств этих стран в нарушении Договоров о взаимопомощи, а также требованием сформировать новые правительства и допустить дополнительные контингенты войск для обеспечения соблюдения данных Договоров.

Последующие события, связанные с формированием новых, лояль-

ных СССР правительств, проведении выборов в парламенты прибалтийских стран, на которых победили коммунистические блоки, а также принятием Деклараций о вхождении в состав СССР, советские историки описывали как социалистические революции. Аргументом в пользу легального характера присоединения было признание его де-юре со стороны ряда зарубежных государств (Испания, Швеция, Нидерланды) [Рянжин 1960]. В современной зарубежной исторической литературе, в т. ч. в трудах ученых стран Прибалтики, эти действия, включая последующий ввод советских войск, проведение выборов в новые органы власти, однозначно оцениваются как аннексия со стороны СССР [Taagepera 1993; Parrott 1995].

Современные российские исследователи интерпретируют события 1939–1940 гг. неоднозначно: некоторые не признают присоединение Прибалтики оккупацией, хотя и согласны с тем, что вхождение не было добровольным; другие говорят об инкорпорации как более мягком, ненасильственном варианте присоединения [Черниченко 2004].

В период с 1988 по 1990 г. Эстония, Литва и Латвия последовательно приняли ряд актов, провозгласивших их независимость и ознаменовавших выход прибалтийских республик из состава СССР. Первый в истории СССР акт о независимости союзной республики – Декларация Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики «О суверенитете Эстонской ССР» – был принят 16 ноя-

бря 1988 г. на заседании Верховного Совета ЭССР¹. Впоследствии Декларацией от 2 февраля 1990 г. была провозглашена независимость Эстонии². 11 марта 1990 г. был принят «Акт о восстановлении независимого Литовского государства»³, а 4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР принял собственный акт сецессии – Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики⁴.

Причины сецессии в актах о независимости прибалтийских республик

Как правило, акты о независимости, принимаемые субъектами сецессии, содержат информацию о тех причинах, которые способствовали принятию решения о выходе. Не всегда речь идет об исчерпывающем перечне таких причин, который можно составить только на основе комплексного анализа публицистических материалов, заявлений лидеров сецессионистских движений в прессе, анализа экономической и политической обстановки и т. п. Однако причины, изложенные в акте о независимости, имеют особое значение, поскольку именно их создатели актов представили в качестве юридического обоснования своего выбора и своеобразного «оправдания» для международного сообщества.

Эстонии и Латвии, первым заявившим о предстоящей сецессии, необходимо было детально аргументировать свой выбор как с юридической, так и с

1 Декларация Верховного Совета ЭССР «О суверенитете Эстонской ССР». Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР, 25.11.1988. № 48, ст. 685.

2 Декларация по вопросу государственной независимости Эстонии от 2 февраля 1990 г. (1990) // Политика, Таллин. № 3.

3 Акт Верховного Совета Литовской Республики от 11.03.1990 г. № 1–12 «О восстановлении Литовского государства» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 31.03.1990 г. № 9, ст. 222.

4 Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики // Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Советской Социалистической Республики от 25.01.1990 г. № 4, ст. 79.

исторической точки зрения, поэтому в декларациях этих стран подробно перечислены причины сецессии. Создатели акта о независимости Литвы пошли по иному пути: в нем кратко отмечается, что «суверенные права Литвы были попораны грубой силой» и данным документом их осуществление восстанавливается. Какие-либо другие причины Верховный Совет Литовской ССР не указал, как и не раскрыл подробно данную причину.

Причины, изложенные в прибалтийских актах сецессии, можно условно поделить на три группы.

Первая, основная, группа причин объединена по признаку несвободного характера объединения с СССР.

Подробное описание исторической ситуации, приведшей к утрате государственности Латвией, содержится в Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики. Создание актов о независимости прибалтийских государств опиралось на историко-правовую и международно-правовую основу, разработанную докторами международного права. Эта концепция детально (в сравнении с иными документами такого рода) расписана в Декларации от 4 мая 1990 г. В ней дается квалификация действиям по введению в Латвию советских войск (должны быть квалифицированы как международное преступление), констатируется антидемократический и незаконный характер выборов в новообразованные органы власти республики, результаты которых, по мнению авторов Декларации, были сфальсифицированы, и делается вывод об отсутствии юридической силы у документов о включении Латвийской Республики в состав Советского Союза.

В Эстонии было принято два документа – Декларация о суверенитете 1988 г. и Декларация независимости 1990 г. Если в первом документе отсутствует какая-либо оценка историче-

ских событий, приведших к вхождению Эстонии в состав СССР, то во втором содержится подробная и эмоционально насыщенная критика соответствующих международных соглашений. Авторы декларации о независимости именуют Договор о ненападении между СССР и Германии «сговором» и «мошеннической инсценировкой», принятие которой было возможно лишь благодаря «шоковому состоянию», охватившему все демократические страны.

Вторая группа причин, которые можно встретить в прибалтийских актах сецессии, связана с описанием СССР как государства, не выполняющего свои обязательства перед союзными республиками, входящими в его состав. Так, в Декларации о независимости Эстонии 1990 г. говорится о том, что политика СССР крайне негативно сказывается на благосостоянии эстонского народа. В результате политики сталинизма и периода застоя, по мнению авторов Декларации, во многих регионах республики в катастрофическом положении оказалась природная среда, дестабилизирована экономика, снизился жизненный уровень всего населения республики.

В латвийской декларации критика политики СССР в отношении Латвии отсутствует, т. к. создатели решили сделать акцент на незаконном характере присоединения страны к Советскому Союзу. Тем не менее указание на эти неназванные причины можно встретить в многократных заявлениях латвийских политических деятелей, опубликованных в официальных источниках. Так, например, председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР с 1988 по 1993 г. А.В. Горбунов в своем выступлении на I Съезде народных депутатов СССР 31 мая 1989 г. указывал, что постановка вопроса о восстановлении суверенитета связана с такими причинами, как экономиче-

ская («необоснованная централизация управления приводит к полному несоответствию отдельных производств интересам республик, где они размещены, и народов, для удовлетворения потребностей которых они создавались»), культурно-языковая («угроза над дальнейшим полноценным развитием национальной культуры и науки, сузилась сфера функционирования национального языка»), и даже экологическая («ухудшение экологической обстановки, понижения в 1970–1980-х гг. жизненного уровня и состояния здоровья населения») [Шахрай 2016, с. 61]. Представители прибалтийских республик СССР настаивали, что экономическая политика союзного центра не только наносила вред экологии региона, но и одновременно ставила остальную часть СССР в более выгодное положение.

В качестве **третьей группы причин** можно выделить обстоятельства, которые не ставятся в вину СССР, а существуют объективно и обуславливают необходимость провозглашения суверенитета. К таким обстоятельствам относится длительное, многовековое формирование государственности того или иного народа Прибалтики. Так, в эстонской Декларации о суверенитете особо подчеркивается, что эстонский народ обладает исторически сложившейся на протяжении веков государственностью, поскольку возделывает землю на берегу Балтийского моря более пяти тысяч лет, на протяжении которых складывалось «гомогенное в национальном отношении» государство. Дальнейшее развитие этого государства не может происходить иначе, нежели в условиях суверенитета.

Модель успешного механизма предотвращения сецессии: обучение на ошибках

Принятие актов о независимости прибалтийских республик – Эстонии, Литвы и Латвии – ознаменовало начало их выхода из состава союзного государства, завершившегося 6 сентября 1991 г. в связи с принятием Постановления Государственного Совета СССР о признании независимости стран Прибалтики⁵. Впоследствии, спровоцированные государственным переворотом в августе 1991 г. в Москве, объявили о своей независимости другие советские республики, а подписание Беловежских соглашений поставило точку в истории Советского Союза. В то же время между принятием первого акта о независимости и окончательным выходом прибалтийских республик из состава СССР пролегал значительный временной промежуток, в течение которого у союзных властей была возможность купировать конфликт и, если не предотвратить сецессию, то создать условия для мирного сосуществования стран Прибалтики и России.

Как известно, история не имеет солагательного наклона, однако представляется, что анализ альтернативных вариантов или сценариев развития исторических процессов может быть полезен при разработке механизмов предотвращения дальнейших сецессий.

Безусловно, ход истории сложный и многофакторный процесс, который зависит от огромного количества причин, большинство из которых сугубо субъективные. В то же время мы

5 Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-1 «О признании независимости Литовской Республики»; № ГС-2 «О признании независимости Латвийской Республики»; № ГС-3 «О признании независимости Эстонской Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 11 сентября 1991 г. № 37, ст. 1091.

склонны согласиться со сторонниками «клиометрии», или же «математической истории», в том, что историю человечества нельзя считать полностью непредсказуемой, и существуют определенные закономерности, позволяющие просчитать и предугадать поведение людей в тех или иных ситуациях [Малинецкий, Коротаев 2008; Fogel, Elton 1983]. Применять подобный математический подход при исследовании событий прошлого можно в различных целях, но в нашем случае он интересен для анализа возможных исторических альтернатив⁶.

В случае возникновения на политической карте мира очага сепаратизма события могут развиваться по различным сценариям, которые широко исследованы в рамках политической географии. Так, Д.В. Заяц объединил возможные сценарии в три группы: 1) нейтрализация конфликта силовым путем; 2) нейтрализация конфликта несильным путем; 3) победа сепаратистов и образование независимого государства.

Безусловно, нейтрализация конфликта и сохранение территориальной целостности материнского государства без применения силовых средств, предотвращение сепаратизма, в т. ч. конституционно-правовыми средствами, является наиболее успешным сценарием развития событий, поскольку позволяет избежать разнообразных рисков, которые неизбежно влечет за собой отделение. Так, представители экономической науки признают, что сепаратизм – это экономически затратный процесс, а рост новообразованных независимых государств практически всегда замедляется [Madiès et al. 2018]. Джозеф Рейнаертс и Якоб Ваншунбек утверждают,

что в случае сепаратизма экономические потери составляют около 20% ВВП на душу населения и подчеркивают, что для республик бывшего СССР сепаратизм обошелся особенно дорого [Reynaerts, Vanschoonbeek 2016]. Помимо экономических рисков, сепаратизм может повлечь за собой негативные политические, социальные и культурные последствия, стать причиной появления угрозы безопасности отдельных граждан. Так, например, в настоящее время многочисленные проблемы в отношениях России и Прибалтики возникают в связи с дискриминацией русскоязычного меньшинства, явившегося следствием неурегулированности этнонационального вопроса в процессе сепаратизма. Ученые отмечают, что отказ от русского языка как учебного предмета приводит к потерям для государственных вузов определенных сегментов рынка [Зева 2013, с. 349].

В качестве основных сценариев предотвращения сепаратизма мирным путем можно выделить следующие: 1) консолидация государства в единую культурно-историческую общность; 2) изменение административно-территориального деления; 3) предоставление широкой политической и национально-культурной автономии [Vergottini 2019]; 4) развитие бюджетного федерализма, предоставление финансовых инвестиций [Madiès et al. 2018]; 5) проведение этнонациональной политики, направленной на сохранение титульной нации в рамках очага сепаратизма [Зорин 2003] и другие.

В то же время в случае успешной реализации права на самоопределение отделившегося региона также возможны различные варианты сепаратизма: от

⁶ Целесообразность изучения альтернатив исторического развития обсуждалась в рамках круглого стола «Имеет ли история сослагательное наклонение» в Институте всеобщей истории РАН и была оценена большинством участников положительно [Материалы круглого стола «Имеет ли история сослагательное наклонение» 2004].

«мягкой» сецессии, позволяющей сохранить дружественные отношения между странами, до резкого одностороннего выхода, влекущего разрыв связей с материнским государством. История знает примеры «мягких» сецессий, в т. ч. на волне краха социалистической системы в Восточной Европе⁷, и, в случае соблюдения определенных условий, сценарий развития отношений России как правопреемника СССР и стран Прибалтики мог быть более успешным.

В качестве вариантов «мягкой» сецессии можно рассматривать следующие сценарии: 1) пролонгированная сецессия – значительно протяженный во времени процесс выхода, в течение которого государствами достигается компромисс по наиболее важным вопросам; 2) создание конфедерации – квазифедеративного государства с сохранением суверенитета стран-участников; 3) создание межгосударственного союза, в котором отделившееся государство принимает участие в качестве полноправного или ассоциированного члена, позволяющего сохранить экономические, политические и культурные связи.

Ответ на вопрос о том, при каких обстоятельствах возможно развитие одного из вышеперечисленных позитивных вариантов развития межгосударственных отношений, может быть дан с помощью использования концепции path dependence.

Концепция path dependence, или концепция зависимости результата от отделенных и даже случайных событий прошлого, широко исследовалась в экономической науке, откуда она была заимствована правоведами для определения возможных вариаций тех или иных событий, имеющих значение для даль-

нейшего развития государства и права [Батурин 2008]. Суть данной концепции сводится к следующему: в истории человечества в целом, а также отдельных стран и регионов можно выделить определенные точки бифуркации (полифуркации), в которых в условиях политического и социального дисбаланса перед участниками событий открываются «окна возможностей» [Краснов 2016]. Однозначно определить, какие именно обстоятельства повлияют на выбор одной из множества возможностей, в таких случаях невозможно; зачастую решающую роль играет случай.

Если применять данную концепцию при исследовании выхода прибалтийских республик из состава СССР, можно говорить о том, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. советские республики несколько раз достигали определенных точек бифуркации (ветвления, полифуркации), в которых практически любое действие и решение могло кардинально поменять ход дальнейших событий и открыть новые возможности для развития межгосударственных отношений. В качестве таких возможностей для взаимоотношений России и Прибалтики, представляется, стоит рассматривать различные варианты «мягкой» сецессии.

Акты о независимости, принятые прибалтийскими республиками, служат наглядным показателем достижения точек бифуркации во взаимоотношениях прибалтийских стран и Советского Союза. Примечательно, что в процессе обретения независимости советских республик (прибалтийские республики не стали исключением) нередко принималось два акта. Первый – Декларация о суверенитете, в которой провозглашались суверенные

7 Примером тому может служить так называемый бархатный развод (чеш. sametový rozvod) в Чехословакии, выход Армении из состава СССР, после которого Россия и Армения успешно сотрудничают как в политической, так и экономической сферах.

права титульной нации, говорилось о необходимости пересмотреть отношения между центром и союзной республикой и т. п. (например, Декларация о государственном суверенитете Эстонской ССР от 16 ноября 1988 г., Декларация о государственном суверенитете Литвы от 26 мая 1989 г.). Второй акт – Декларация или акт о государственной независимости, в котором содержалась непосредственная констатация выхода из состава СССР, нередко приводились причины, которые, по мнению создателей акта, исключают возможность мирных переговоров, объявлялись недействующими акты «материнского» государства, говорилось о начале формирования нового государственного аппарата без участия союза (например, Декларация по вопросу государственной независимости Эстонии от 2 февраля 1990 г., Акт о воссоздании Литовского государства от 11 марта 1990 г.).

Исходя из этого представляется возможным выделить два потока развития событий, определенных прохождением двух точек бифуркации, в которых перед участниками переговорного процесса открывались «окна возможностей» для мирного урегулирования конфликта и «мягкой» сецессии. Первая связана с принятием 16 ноября 1988 г. Декларации о государственном суверенитете ЭССР и последовавшим за этим объявлением о суверенитете других прибалтийских республик. Вторая – с принятием в марте 1990 г. ряда актов о восстановлении независимости прибалтийских стран. Связь точек бифуркации с конкретными датами является весьма условной, поскольку накопление противоречий, равно как и попытки их разрешения, занимают длительное время, однако эти даты связаны со значимыми событиями, символично отражающими сущностные стороны конфликта.

Первая точка бифуркации – ноябрь 1988 г. Декларация о государственном суверенитете ЭССР стала первым официальным актом союзной республики, содержащим намерение развиваться в условиях суверенитета. Действия Верховного Совета Эстонской ССР были метко охарактеризованы Ю.М. Батуриным как «эстонский детонатор» – запуск процесса распада СССР, послуживший началом дальнейшей цепочки событий [Батурин 2019, с. 22]. Причины сецессии, указанные в данном акте, предоставили союзному центру возможность оперативно среагировать на сформулированные в них аргументы о невозможности пребывания в составе СССР. Представляется, что в 1988–1989 гг. развитие отношений между прибалтийскими республиками могло пойти по пути федерализации и автономизации в случае выбора иных альтернатив.

Такой альтернативой была проводимая руководством СССР перестройка – комплекс экономических и политических реформ, проводимых союзными властями и призванных демократизировать экономическую и политическую сферы. Реформа проводилась под давлением как населения в целом, так и республиканских властей, и принятие деклараций о суверенитете союзных республик, безусловно, было одним из основных ее катализаторов. Решение о коренной перестройке экономической политики могло стать ответом на вызовы государственной целостности, сформулированные в декларациях о независимости и ставшие, в конечном итоге, основой для Закона СССР № 32-1 «Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР» от 27 ноября 1989 г.

В 1988 г. эстонскими экономистами была разработана программа «республиканского хозрасчета», сущность ко-

торой заключалась в переподчинении большинства предприятий, находящихся на территории Эстонии, республиканским властям. Однако идея реформирования экономики через «хозрасчет» не была реализована.

Уже на этом этапе открывалось иное «окно возможностей», при котором прибалтийские республики могли бы не становиться в жесткую оппозицию по отношению к реформам, проводимым союзными властями. Многие историки рассматривают отказ от идеи республиканского хозрасчета как «контрпродуктивный фактор», после которого «выход прибалтийских республик из состава СССР принял необратимый характер» [Лукашин 2011].

Отсутствие гибкости союзных властей, взявших курс на перестройку, но не способных последовательно соблюдать его, проявился и в политической сфере. В августе 1989 г. ЦК КПСС выступил с заявлением «О положении в республиках Советской Прибалтики», в котором давалась резкая негативная оценка всем без исключения политическим силам прибалтийских республик, включая руководство региона, общественно-политические движения и иные общественные организации. В документе прямо говорилось о сходстве данных организаций с движениями, «возникшими во времена фашистской оккупации», использующими в качестве методов воздействия «насилие и моральный террор». Этот документ был крайне негативно воспринят в Прибалтике и привел, как писал в своих мемуарах М.С. Горбачев, «к результатам, противоположным задуманному» [Горбачев 1995]. Спустя полгода, в марте 1990 г., парламент Литвы принял акт о выходе из состава Союза.

О наличии альтернативного варианта развития событий высказывались сами прибалты. В апреле 1990 г. в официальном издании «Народного фронта

Эстонии» «Тартуский курьер» появилась статья, в которой отмечалось, что путь отделения прибалтийских республик из состава СССР не был единственно верным, однако «устойчивый консерватизм центральной бюрократии» потопил саму идею «обновленной федерации» (цит. по [Симолян 2002, с. 54]). Таким образом, отрицать негативное значение заявления ЦК КПСС, лишь укрепившего позицию национально-радикальных движений, нельзя.

Еще одним направлением для нормализации взаимоотношений СССР и Прибалтики на первом этапе могло стать решение этнонационального вопроса. Эта тема остается актуальной и на сегодняшний день, активно обсуждается т. н. русский вопрос – адаптация русскоязычного населения в бывших союзных республиках на положении этнического меньшинства [Мусаев 2017]. В советский период общественность прибалтийских республик волновал прямо противоположный вопрос, который нашел отражение в актах о независимости: как сохранить национальную идентичность коренного населения национальной республики в условиях пребывания в составе СССР, провозгласившего курс на формирование единой исторической общности – советского народа? Этот вопрос нашел отражение в актах о независимости. Так, в Декларации о суверенитете Эстонской СССР говорится, что следствием политики сталинизма и застоя на территории республики стала неблагоприятная демографическая ситуация для эстонцев как коренной национальности.

Направление и сущность национальной политики СССР вызывает много споров в литературе: одни ученые склоняются к учету интересов всех национальностей и приводят положительные примеры политики Союза в отношении титульных на-

ций [Walker 2003; Козлов 1995; Чешко 2000], другие говорят о «позитивной дискриминации» титульных наций и культур на традиционной территории [Ярве 2013, с. 39]. Не вдаваясь в дискуссию и не давая оценок, отметим лишь, что у прибалтийских народов действительно были основания для опасения, устранение которых было возможно путем последовательного развития федеративных начал и предоставления титульным нациям республик дополнительных гарантий.

В советский период демографическая ситуация в прибалтийских странах подверглась значительным изменениям, в основном по причине массовой иммиграции русского населения [Халлик и др. 2013]. К концу 1980-х гг. в этих странах проживало более 2 млн русских и русскоговорящих представителей других наций, что коренным образом изменило соотношение титульной нации в общем числе населения Латвии, Эстонии и Литвы. Основным направлением миграции стала трудовая, приток русского населения был напрямую связан с массовым строительством союзных предприятий. На момент распада СССР в Эстонии доля титульной нации составляла не более 62,5%, в Латвии – 51,8% [Симомян 2002, с. 151]. Несколько отличалось положение титульной нации в Литве. В 1956 г. Совет Министров Литвы принял Постановление «О развитии малых городов республики»⁸, которое ограничило возможности строительства на ее территории предприятий союзного значения, что позволило снизить поток трудовой миграции в Литву. Доля литовцев составляла 81,5% населения.

Ситуация в Литве была скорее исключением, нежели правилом. До-

ля представителей титульной нации в Эстонии и Латвии вызывала объективные опасения у республиканских властей, поскольку это напрямую сказывалось на принятии политических решений. Жак Трейман указывал, что отказ от проведения референдума о выходе из состава СССР, согласно Закону СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», непосредственно связан с тем, что решение о выходе по нормам данного закона должны принимать все граждане СССР, постоянно проживающие на территории республики, к числу которых относятся также советские военнослужащие и члены их семей [Treiman 1990].

Проблема осложнялась ввиду усиливающейся сегрегации населения: структура занятости русских мигрантов, а также непосредственное подчинение не республиканским, а союзным организациям способствовали обособленному проживанию русскоязычного населения.

Вопрос о модели решения национального вопроса в СССР, которая могла бы способствовать мирному сосуществованию представителей различных национальностей, требует обращения к опыту других полинациональных государств, довольно успешно решающих данные проблемы без применения радикальных методов. Так, в конце 1970-х гг. в Канаде в качестве ответа на сепционистские настроения жителей франкоязычной провинции Квебек стало объявление о политике мультикультурализма (вскоре о переходе к этой политике объявила Австралия) [Агеева 2017]. Как на конституционном уровне, так и в федеральном

8 Lietuvos Centrinis vlstybės archivas. F. 93. Apr. 68. R. 23. L. 41.

законодательстве французский язык был закреплен в качестве второго государственного. Одновременно с учетом мнения меньшинства канадская политика мультикультурализма позволила снизить обеспокоенность англоязычного населения относительно сохранения единого государства [Южанин 2011].

В отличие от Канады власти СССР не придали должного значения обеспокоенности балтийских народов по поводу сохранения родного языка. Несмотря на усиление центробежных тенденций в конце 1980-х гг., в СССР началась разработка нового закона о языке, основой которого должно было стать признание верховенства русского языка во всех союзных республиках, признание его государственного и межгосударственного характера. Это вызвало беспокойство со стороны представителей Прибалтики. Так, народный депутат Литвы Р. Гудайтис во время выступления на телевидении 18 октября 1989 г. отмечал, что готовящийся проект его крайне беспокоит, т. к. центральные органы проигнорировали предложения по поводу уравнивания статуса федеративного межреспубликанского языка и государственных языков республик. «Мы не видим абсолютно никакого движения к тому, – отмечал депутат, – чтобы СССР стал действительно содружеством суверенных независимых государств. Унитаризм по-прежнему в триумфе» [Шахрай 2016, с. 167].

Еще одной мерой для сохранения национальной идентичности прибалтийских народов могло бы стать правовое регулирование иммиграции русскоязычного населения в республики Прибалтики. Здесь уместно процитировать слова канадского ученого Иозефа Каррена: «Суверенное государство вправе определять формальные требования для интеграции иммигрантов, но его обязанностью является опре-

делять, ведут ли эти требования к желаемому пути интеграции» [Зена 2013, с. 343]. В настоящее время недооценка значения миграционной политики считается учеными и политиками недопустимой. Как отмечает Р. Алонци, феномен миграции стал настолько важным предметом научного изучения, что уже двадцать лет назад получил название «революция миграции» [Алонци 2020, с. 29]. Представляется, что императивное правовое регулирование миграционных процессов в Прибалтике, направленное на сохранение титульных наций, могло бы стать эффективным инструментом для сглаживания противоречий между центральной властью и данными республиками.

Разумеется, говорить о полном запрете организованных наборов рабочих и служащих из других республик (то, что в современных условиях принято называть трудовой миграцией) как альтернативе для сглаживания национального вопроса в данном случае было бы нецелесообразно. Кроме того, руководство прибалтийских республик не высказывало открытых возражений против нее ввиду объективной потребности в рабочей силе для обеспечения функционирования новых предприятий. Альтернативой, позволяющей обеспечить предприятия квалифицированной рабочей силой и не допустить уменьшения доли титульной нации, мог бы стать вахтовый метод работы: трудовой процесс в этом случае осуществляется без переезда работников на постоянное место жительства в район нахождения предприятия.

Вторая точка бифуркации, изменившая возможные варианты развития событий и окончательно закрывшая возможности сохранения единого федеративного государства, непосредственно связана с событиями марта 1990 г., в течение которого прибалтийские республики в одностороннем по-

рядке приняли решение о выходе из состава Союза.

В марте 1990 г. органы публичной власти прибалтийских республик предприняли ряд действий, направленных на провозглашение независимости и свидетельствующих об их отказе от поиска путей сохранения единого государства. Так, 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы принял Акт о восстановлении независимости Литовского государства; 30 марта 1990 г. было принято Постановление о государственном статусе Эстонии, в котором советская власть была объявлена незаконной с момента оккупации страны в 1940 г.; в мае 1990 г. аналогичный документ был принят в Латвии.

Возможности сохранения единого федеративного государства, существовавшие на предыдущем этапе, после вышеописанных событий окончательно закрылись, однако возможности для «мягкой» сецессии все еще оставались. Таким вариантом для СССР и Прибалтики могло бы стать создание нового межгосударственного союза на приемлемых для прибалтийских стран условиях, чему способствовало принятие решения о разработке нового Союзного договора.

Принятие нового договора должно было стать «мягкой реакцией» на принятие национальными республиками актов о независимости, своего рода «компромиссом» между республиками и центром. Его сущность сводилась к закреплению принципиально новой модели взаимоотношений союзного центра и республик, юридическому оформлению разграничения компетенция между центром и субъектами. Центральной идеей договора была концепция «союза суверенных государств», которое при этом оставалось бы единым государством, основанным на федеративных началах. Разработчики договора учитывали многочислен-

ные требования представителей союзных республик о расширении политической и экономической самостоятельности, предусмотрев принципиально новую модель Союза. Проект Союзного договора, опубликованный в газете «Правда» 24 ноября 1990 г., разграничивал полномочия союзного центра и республик, оставляя за Союзом полномочия в сфере внешней политики, армии, защите суверенитета и т. п., предоставляя суверенным республикам в его составе полномочия в сфере экономики, социальной политики, формирования единого рынка [К союзу суверенных народов 1991, с. 117].

Участие прибалтийских республик в разработке и принятии нового Союзного договора было еще одним «окном возможностей», выбор которого позволил бы сохранить СССР в виде федерации суверенных республик, основанной на учете интересов входящих в его состав национально-территориальных единиц. Поставив свою подпись под проектом нового Союзного договора, руководители стран Прибалтики могли бы легитимизировать свое нахождение в составе СССР, что, в свою очередь, позволило бы устранить влияние западноевропейских стран, активно настаивавших на незаконном характере вхождения этих государств в состав Союза, снизить напряжение в общественно-политических кругах республик и «выбить козыри из рук местных национал-экстремистов» [Симолян 2002, с. 153].

Однако эта возможность не была реализована в силу того, что прибалтийские республики ранее разочаровались в переговорах. В конечном счете позиция республиканского руководства стала основным препятствием на пути сохранения Союза. Страны Прибалтики не только уклонились от участия в разработке проекта нового договора, несмотря на попытку инициа-

торов учесть интересы этих республик, ясно обозначенные в декларациях о суверенитете, но и бойкотировали инициированный союзными лидерами и, в частности, М.С. Горбачевым референдум по вопросу сохранения СССР⁹. Тем самым Латвия, Литва и Эстония окончательно отказались от идеи о дальнейшем развитии федеративных начал в рамках Союза, сосредоточившись на обосновании своего права на отделение.

Неудовлетворительные как для союзных властей, так и для представителей Прибалтики результаты переговоров относительно содержания нового Союзного договора обусловили поиск последними правовой аргументации оснований для выхода и надлежащей правовой процедуры для оформления сецессии.

Как отмечалось ранее, создатели актов о независимости настаивали на том, что де-юре страны Прибалтики сохраняли свой суверенитет на протяжении всего периода пребывания в составе СССР. Этот период официально признавался руководством страны военной оккупацией, а принятые в начале XX в. акты (Конституция Латвийской Республики (15 февраля 1922 г.), Тартусский мирный договор), согласно официальной позиции, никогда не утрачивали своей силы и продолжают действовать вплоть до текущего момента. Данная политико-правовая доктрина получила название «теория непрерывности» прибалтийских стран.

Эта позиция далеко не бесспорна с правовой точки зрения, хотя вплоть до сегодняшнего дня на нее опираются суды этих стран¹⁰. Значительное число правоведов поддерживают тезис «о советской оккупации», однако встречаются и иные точки зрения, в т. ч. среди ученых стран Прибалтики¹¹. Представляется, что данный вопрос имеет скорее политическое, нежели правовое значение, в то время как тезис о «континуитете» – непрерывности государственности – имеет конкретные правовые последствия. Специалисты в области международного права отмечают, что доктрина «международно-правовой непрерывности» Латвийского государства с 1918 по 1990 г. напрямую противоречит международному праву, а именно Заключительному акту СБСЕ в Хельсинки от 1 августа 1975 г., согласно которому 33 государства Европы, США и Канада в 1975 г. признали территориальную целостность СССР, или, иными словами, законный характер послевоенных границ СССР [Гущин 2015, с. 147]. Отсутствовали и иные признаки «непрерывности» существования государств в период оккупации: не было создано правительства в изгнании (просьбу поддержать его создание в 1940 г. направлял в МИД Великобритании бывший посол Латвии К. Зариньш, но ему было отказано) [Zunda 2011, pp. 32–33], представители республик не были включены в международные организации (бывшему послу Латвии в США было отказано в присоединении).

9 Помимо стран Прибалтики, решение о запрете проведения референдума о сохранении СССР приняли Грузия, Молдавия и Армения.

10 Например, Конституционный Суд Латвии в своих решениях неоднократно ссылается на «международно-признанную непрерывность действия Латвийской Республики», см. напр.: Решение Конституционного суда Латвийской Республики по делу № 2007-10-0102. Рига, 29 ноября 2007 г. // http://www.satv.tiesa.gov.lv/upload/verd_2007_10.htm, дата обращения 09.08.2020.

11 Глава института внешней политики Латвии Андрис Спрудс в интервью обозначил свое мнение на этот счет: «Мы все-таки вторая республика <...> иное общество, иная государственность. И это нормально» (Gushchin V. (2017) Latvia 1988–2015: A Triumph of the Radical Nationalists. Book 3. Formation of a New Historical Memory, or the Whitewashing of Nazism in Latvia, Riga, p. 254 // <http://www.mixnews.lv/ru/politics/news/2013-01-24/116151>, дата обращения 09.08.2020).

нении к Декларации объединенных наций 1942 г.) [Zunda 2011, p. 19].

В случае отказа от доктрины континуитета прибалтийские страны, даже приняв решение о выходе из состава Союза, могли бы использовать иной с правовой точки зрения путь сепарации. Такой путь предлагал принятый 3 апреля 1990 г. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Однако модель сепарации, предложенная в этом законе, была воспринята прибалтийскими правоведами негативно [Tremman 1990].

Заключение

Акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг., принятые в период крушения социалистической системы, являются ценным источником информации о причинах сепарации. Эту информацию можно почерпнуть из многих источников, в т. ч. из заявлений политических лидеров, программ общественных движений и т. д., однако именно в актах и декларациях о независимости содержатся те причины, которые инициаторы процесса отделения посчитали наиболее значимыми. Эти причины посредством актов о независимости транслируются для всего международного сообщества и служат своего рода «защитительной речью» сепарационистов. Применительно к странам Прибалтики – Латвии, Литве и Эстонии – такие причины можно разделить на три группы: 1) несвободный характер объединения с СССР в 1940 г.; 2) невыполнение Советским Союзом своих обязательств в отношении союзных республик, приведшее к существенному ухудшению жизни проживающих в них народов; 3) длительное, многовековое формирование государственности народов Прибалтики, ко-

торым обусловлена невозможность его дальнейшего пребывания в составе другого государства.

Первый акт сепарации – Декларация о суверенитете Эстонии – был принят в 1988 г., за несколько лет до реального выхода из состава СССР, однако отсутствие должного внимания союзных властей не позволило нейтрализовать территориальный конфликт и привело к одностороннему выходу прибалтийских республик из состава единого государства. Негативные последствия реализации этого сценария сепарации ощущаются странами-правопреемниками вплоть до сегодняшнего дня. Использование метода моделирования исторических событий позволяет сделать вывод о возможности протекания осуществления «мягкой» сепарации в случае выбора иного «окна возможностей» при прохождении точек бифуркации, открывавших перед участниками событий различные варианты дальнейшего развития событий. Так, «позитивный» сценарий сепарации мог бы развиваться в случае участия представителей прибалтийских стран в разработке нового Союзного договора, большей последовательности проведения «перестроечных» реформ, в т. ч. перехода к республиканскому хозяйственному, гибкой политике этнонациональной политики союзных властей, регулирующей процессы трудовой миграции в прибалтийских странах, отказа руководства прибалтийских стран от «доктрины континуитета» существования республик и оформления выхода в соответствии с союзным законодательством, которое, в свою очередь, могло быть более вариативным.

Реконструкция модели «мягкой» сепарации прибалтийских стран в ретроспективном ключе служит ценным источником информации об особенностях развития отношений между отдельными и «материнским» государ-

ствами и позволяет органам публичной власти современных государств временно внести коррективы в проводимую политику и снизить уровень социальной напряженности, способствующий сецессии.

Список литературы

Агеева К.А. (2017) Проблемы сохранения канадской федерации и правовой статус провинции Квебек в условиях современности // Устойчивое развитие науки и образования. № 6. С. 117–124 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29679040_89509103.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Алонци Р. (2020) Миграционные процессы и идентичность ЕС // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 28–47. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2

Андреева Г.Н., Гинзбург Ю.В., Хашцина Э.Э. (2019) Теоретико-правовые основы конституционных механизмов предотвращения сецессии (Постановка проблемы) // Ткачева Е.П. (ред.) Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Человек как субъект общественных изменений: социально-экономические, политико-правовые и гуманитарные проблемы». Белгород. С. 76–89.

Батурин Ю.М. (2008) Конституционные этюды. М.: Институт права и публичной политики.

Батурин Ю.М. (2019) Конституция России: история и будущее. М.: РАН.

Блищенко В.И. (2015) Россия и Прибалтика: поиски исторической правды // Обозреватель-Observer. № 4(303). С. 28–43 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23244597_52560708.pdf, дата обращения 10.12.2020.

В Берлине нашли акт о независимости Литвы, утерянный более 70 лет на-

зад (2017) // РИА Новости. 30 марта 2017 // <https://ria.ru/20170330/1491097468.html>, дата обращения 05.08.2020.

Горбачев М. (1995) Жизнь и реформы. Кн. I. М.: Новости.

Граф М. (2007) Эстония и Россия, 1917–1991: Анатомия расставания. Таллин: Арго.

Гущин В. (2015) Решение Конституционного суда Латвийской Республики (суда Сатверсме) от 29 ноября 2007 г. и доктрина «международно-правовой непрерывности» Латвийского государства с 1918 г. по 1990 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 1(6). С. 134–154 // <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-konstitutsionnogo-suda-latviyskoj-respubliki-suda-satversme-ot-29-noyabrya-2007-g-i-doktrina-mezhdunarodno-pravovoy>, дата обращения 21.08.2020.

Зепа Б. (2013) Дискурс формирования политики иммиграции в Латвии // Полещук В.В., Степанов В.В. (ред.) Этническая политика в странах Балтии. М.: Наука. С. 343–358.

Зорин В.Ю. (2003) От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990–2002 гг.) // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 6. № 3. С. 122–154 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-natsionalnoy-politiki-k-etnokulturnoy-problemy-stanovleniya-doktriny-i-praktiki-1990-2002-gg>, дата обращения 10.12.2020.

К союзу суверенных народов: Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета (1991). М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС // <http://soveticus5.narod.ru/85/sborn91.htm#p336>, дата обращения 10.12.2020.

Козлов В.И. (1995) Русский вопрос. История трагедии великого народа. М.: ИЭА РАН.

- Краснов М.А. (2016) Создание Конституции России как особый случай эффекта “path dependence” // Труды по руссиеведению. № 6. С. 85–128 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-konstitutsii-rossii-kak-osobyu-sluchay-effekta-path-dependence>, дата обращения 10.12.2020.
- Кяупа З., Мясалу А., Паюр А., Страубе Г. (1999) История балтийских стран. Таллин: Avita.
- Лукашин А.В. (2011) Проблемы разработки и заключения нового Союзного договора в контексте антикризисного управления в СССР (март 1990 – август 1991) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). № 3. С. 126–152 // <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-razrabotki-i-zaklyucheniya-novogo-soyuznogo-dogovora-v-kontekste-antikrizisnogo-upravleniya-v-sssr-mart-1990-avgust-1991/viewer>, дата обращения 10.12.2020.
- Малинецкий Г.Г., Коротаев А.В. (2008) Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Материалы Круглого стола «Имеет ли история сослагательное наклонение» (2004). Институт всеобщей истории РАН // <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867411/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf>, дата обращения 05.08.2020.
- Межевич Н. (2017) Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. М.: Русская книга.
- Межевич Н. (2019) К вопросу о факторах формирования политического пространства и государственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 2(17). С. 184–198 // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ofaktorah-formirovaniya-politicheskogo-prostranstva-i-gosudarstvennosti-v-pribaltike-1917-1920-gg/viewer>, дата обращения 10.12.2020.
- Мельтюхов М.И. (2015) Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм.
- Мусаев В.И. (2017) Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. № 2(19). С. 176–191. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.213
- Рянжин В.А. (1960) Социалистическая революция 1940 г. в Эстонии и преобразование Государственной Думы Эстонии в Верховный Совет Эстонской ССР // Правоведение. № 4. С. 113–122.
- Симонян Р.Х. (2002) Страны Балтии и распад СССР // ПОЛИС. № 6. С. 151–154 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078641_62729928.pdf, дата обращения 07.08.2020.
- Халлик К., Шабаев Ю.П., Регельманн А., Ламоро Д.В., Бауринг Б., Полещук В.В. (2015) Обзор книги «Этническая политика в странах Балтии» // Этнографическое обозрение. № 1. С. 153–174 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23138089_67530953.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Черниченко С.В. (2004) Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. № 8. С. 212–215.
- Чешко С.В. (2000) Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИАЭ РАН.
- Шахрай С.М. (ред.) (2016) Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) Т. 2. М.: Кучково поле.
- Южанин М.А. (2011) Этнонациональная политика государства в полиэтническом социуме // Социология власти. № 6. С. 176–184 // <https://www.elibrary.ru/download/elib>

rary_17106548_71256692.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Ярве П. (2013) Советское наследие и современная этнополитика стран Балтии // Полещук В.В., Степанов В.В. (ред.) Этническая политика в странах Балтии. М.: Наука. С. 39–63.

Feinstein S. (2010) Violent Secession in the Former Soviet Union: A Comparative Analysis of Moldova and Estonia, Washington DC: APSA.

Fogel R.W., Elton G.R. (1983) Which Road to the Past? Two Views of History, New Haven: Yale University Press.

Madiès T., Rota-Grasiozi G., Tranchant J.-P., Trépier C. (2018) The Economics of Secession: A Review of Legal, Theoretical, and Empirical Aspects // Swiss Journal of Economics and Statistics, no 154(1). DOI: 10.1186/s41937-017-0015-6

Motyl A. (1993) Estonia: Return to Independence, San Francisco: Westview Press.

Parrott B. (1995) Reversing Soviet Military Occupation // State Building and Military Power in Russia and the New States of Eurasia, New York: M.E. Sharpe.

Reynaerts J., Vanschoonbeek J. (2016) The Economics of State Fragmentation—assessing the Economic Impact of Secession. DOI: 10.2139/ssrn.2736848

Sambanis N., Germann M., Schädel A. (2017) SDM: A New Data Set on Self-determination Movements with an Ap-

plication to the Reputational Theory of Conflict // Journal of Conflict Resolution, vol. 62, no 3, pp. 656–686. DOI: 10.1177/0022002717735364

Suesse M. (2019) Adjusting the Size of Nations: Empirical Determinants of Separatism and the Soviet Breakup // Journal of Comparative Economics, vol. 47, no 1, pp. 50–64. DOI: 10.1016/j.jce.2018.10.002

Taagepera R. (1993) Estonia: Return to Independence, New York: Westview Press.

Toivo U. (2001) Estonia and the Estonians, Palo Alto: Hoover Press.

Tomz M.R. (1994) The Morality of Secession, Oxford: Magdalen College.

Treiman J. (1990) The Soviet Secession Law Is a Sham // Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences, vol. 36, no 3 // http://www.lituanus.org/1990_3/90_3_07.htm, дата обращения 10.12.2020.

Turchin P., Nefedov S.A. (2009) Secular Cycles, Princeton: Princeton University Press.

Vergottini G. (2019) Referendum y Secesión // Teoria y Realidad Constitucional, no 43, pp. 103–119. DOI: 10.5944/trc.43.2019.24400

Walker E.U. (2003) Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union, Lanham: Rowman and Littlefield.

Zunda A. (2011) Baltijas Valstu Jautajums. 1940–1991, Riga: Zvaigzne ABC.

The Pages of the Past

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Legal Acts on the Independence of the Baltic Republics 1988–1990 As a Basis for Modeling the Secession Prevention Mechanism

Ellina E. HASCHINAPhD in Law, Assistant Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Kursk State University, 305000, Radishcheva St., 33, Kursk, Russian Federation

E-mail: ellenberns1408@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5188-4377

CITATION: Haschina E.E. (2021) Legal Acts on the Independence of the Baltic Republics 1988–1990 As a Basis for Modeling the Secession Prevention Mechanism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 52–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Received: 29.09.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The reported study was funded by RFBR, project no 20-011-00418.

ABSTRACT. *For modern states, secession is a radical way of resolving the accumulated contradictions between them and the “mother” states, into which they entered for one reason or another. Ever since the adoption of the United States Declaration of Independence in 1776, a kind of tradition of formalizing the secession with a special act of independence has emerged in international law, in which its creators describe the reasons that prompted such a radical decision, declares the supremacy of the legislation of the seceded entity and contains a request for recognition of the sovereignty of the newly formed states from the international community.*

Analysis of such acts can provide valuable information on the reasons for secession and allow the development of legal mechanisms to prevent it. Within the framework of this work, the acts of independence of

the Baltic republics of 1988 – 1990 are considered, adopted during the collapse of the socialist system of Eastern Europe. Being the flagships of this process, Estonia, Latvia and Lithuania in their acts substantiated their choice in the most detailed way, in connection with which the declarations they adopted are of undoubted interest for the researcher.

Based on the method of modeling historical processes and the concept of “path dependence”, taking into account the material on the reasons for the secession obtained in the framework of the analysis of acts of independence, an attempt was made to develop a model of “peaceful secession” of the Baltic republics, which would be possible in the case of choosing a different option of behavior at the points bifurcation. The author names the development of a new Un-

ion Treaty, reforms of the perestroika period, the choice of the vector of ethno-national policy in the Union republics, the choice of the legal basis and the procedure of secession as the main points of “branching” that open “windows of opportunity” for the Baltic republics. The negative consequences of the current scenario of the development of relations between Russia and the Baltic republics and the advantages of a peaceful resolution of the conflict between the seceding and the “mother” state are described.

KEYWORDS: secession, acts of independence, reasons for secession, the Baltic countries, collapse of the USSR, “path dependence”

References

- Ageeva K.A. (2017) Problems of Preserving the Canadian Federation and the Legal Status of the Province of Quebec in Modern Conditions. *Ustojchivo razvitiye nauki i obrazovaniya*, no 6, pp. 117–124. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29679040_89509103.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).
- Alonzi R. (2020) Migration Processes and Identity of the EU. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 28–47 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2
- Andreeva G.N., Ginzburg Yu.V., Hashchina E.E. (2019) Theoretical and Legal Foundations of Constitutional Mechanisms for Preventing Secession (Problem Statement). *Collection of scientific Papers on the Materials of the International Scientific and Practical Conference “Man as a Subject of Social Changes: Socio-Economic, Political, Legal and Humanitarian Problems”* (ed. Tkacheva E.P.), Belgorod, pp. 76–89 (in Russian).
- Baturin Yu.M. (2008) *Constitutional Studies*, Moscow: Institut prava i publichnoy politiki (in Russian).
- Baturin Yu.M. (2019) *The Constitution of Russia: History and Future*, Moscow: RAN (in Russian).
- Blishhenko V.I. (2015) Russia and the Baltic States: The Search for Historical Truth. *Observer*, no 4(303), pp. 28–43. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23244597_52560708.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).
- Chernichenko S.V. (2004) About the “Occupation” of the Baltic States and Violation of the Rights of the Russian-speaking Population. *International Affairs*, no 8, pp. 212–215 (in Russian).
- Cheshko S.V. (2000) *The Collapse of the USSR: An Ethnopolitical Analysis*, Moscow: IAE RAN (in Russian).
- Feinstein S. (2010) *Violent Secession in the Former Soviet Union: A Comparative Analysis of Moldova and Estonia*, Washington DC: APSA.
- Fogel R.W., Elton G.R. (1983) *Which Road to the Past? Two Views of History*, New Haven: Yale University Press.
- Gorbachev M. (1995) *Life and Reforms*. Book I, Moscow: Novosti (in Russian).
- Graf M. (2007) *Estonia and Russia, 1917–1991: Anatomy of Separation*, Tallin: Argo (in Russian).
- Gushhin V. (2015) Decision of the Constitutional Court of the Republic of Latvia (Satversme Court) November 29, 2007 and the Doctrine of “International Legal Continuity” of the Latvian State From 1918 to 1990. *Journal of Russian and Eastern European Historical Research*, no 1(6), pp. 134–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-konstitutsionnogo-sudalati-viyskoy-respubliki-suda-satversme-ot-29-noyabrya-2007-g-i-doktrina-mezhdunarodno-pravovoy>, accessed 21.08.2020 (in Russian).
- Khallik K., Shabaev Yu.P., Regel'mann A., Lamoro D.V., Bauring B., Poleshhuk V.V. (2015) Book Review: “Ethnic Politics in the Baltic States”. *Ethnographic Review*, no 1, pp. 153–174. Available at: <https://www.elibrary.ru/down->

load/elibrary_23138089_67530953.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Kozlov V.I. (1995) *Russian Question. History of the Tragedy of a Great Nation*, Moscow: IEA RAN (in Russian).

Krasnov M.A. (2016) Creating the Russian Constitution as a Special Case of the “Path Dependency”. *Works on Russian Studies*, no 6, pp. 85–128. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-konstitutsii-rossii-kak-oso-byu-sluchay-effekta-path-dependence>, accessed 12.08.2020 (in Russian).

Kyaupa Z., Mjajesalu A., Pajur A., Straube G. (1999) *History of the Baltic States*, Tallin: Avita (in Russian).

Lukashin A.V. (2011) Problems of Developing and Concluding a New Union Treaty in the Context of Crisis Management in the USSR (March 1990–August 1991). *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, no 3, pp. 126–152. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razrabotki-i-zaklyucheniya-novogo-soyuznogo-dogovora-v-kontekste-antikrizisnogo-upravleniya-v-sssr-mart-1990-avgust-1991/> viewer, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Madiès T., Rota-Grasiozi G., Tranchant J.-P., Trépier C. (2018) The Economics of Secession: A Review of Legal, Theoretical, and Empirical Aspects. *Swiss Journal of Economics and Statistics*, no 154(1). DOI: 10.1186/s41937-017-0015-6

Malineckij G.G., Korotaev A.V. (2008) *Problems of Mathematical History. Mathematical Modeling of Historical Processes*, Moscow: LIBROKOM/URSS (in Russian).

Materials of the Round Table “Does History Have a Subjunctive Mood” (2004). Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867411/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf>, accessed 05.08.2020 (in Russian).

Mel'tyukhov M.I. (2015) *The Baltic Springboard in Moscow's International Pol-*

itics (1918–1939), Moscow: Algoritm (in Russian).

Mezhevich N. (2017) *Problems and Prospects of Economic Relations between Russia and the Baltic States under Sanctions Regimes*, Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Mezhevich N. (2019) On the Factors of Political Space and Statehood Formation in the Baltic States, 1917–1920. *Journal of Russian and Eastern European Historical Research*, no 2(17), pp. 184–198. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-vo-prosu-o-faktorah-formirovaniya-politicheskogo-prostranstva-i-gosudarstvennosti-v-pribaltike-1917-1920-gg/viewer>, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Motyl A. (1993) *Estonia: Return to Independence*, San Francisco: Westview Press.

Musaev V.I. (2017) Independence of the Baltic States and the “Russian Question”. *Modern History of Russia*, no 2(19), pp. 176–191 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.213

Parrott B. (1995) Reversing Soviet Military Occupation. *State Building and Military Power in Russia and the New States of Eurasia*, New York: M.E. Sharpe.

Reynaerts J., Vanschoonbeek J. (2016) *The Economics of State Fragmentation—assessing the Economic Impact of Secession*. DOI: 10.2139/ssrn.2736848

Ryanzhin V.A. (1960) The Socialist Revolution of 1940 in Estonia and the Transformation of the State Duma of Estonia into the Supreme Soviet of the Estonian SSR. *Pravovedenie*, no 4, pp. 113–122 (in Russian).

Sambanis N., Germann M., Schädel A. (2017) SDM: A New Data Set on Self-determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no 3, pp. 656–686. DOI: 10.1177/0022002717735364

Shakhraj S.M. (ed.) (2016) *The Collapse of the USSR: Documents and Facts* (1986–

1992). Vol. 2, Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Simonyan R.H. (2002) The Baltic States and the Collapse of the USSR. *POLIS*, no 6, pp. 151–154. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078641_62729928.pdf, accessed 07.08.2020 (in Russian).

Suesse M. (2019) Adjusting the Size of Nations: Empirical Determinants of Separatism and the Soviet Breakup. *Journal of Comparative Economics*, vol. 47, no 1, pp. 50–64. DOI: 10.1016/j.jce.2018.10.002

Taagepera R. (1993) *Estonia: Return to Independence*, New York: Westview Press.

The Act of Independence of Lithuania, Lost more than 70 Years Ago, Was Found in Berlin (2017). *RIA Novosti*, March 30, 2017. Available at: <https://ria.ru/20170330/1491097468.html>, accessed 05.08.2020 (in Russian).

To the Union of Sovereign Peoples: A Collection of Documents of the CPSU, Legislative Acts, Declarations, Appeals and Presidential Decrees on the Problem of National and State Sovereignty (1991), Moscow: Institut teorii i istorii socializma. Available at: <http://soveticus5.narod.ru/85/sborn91.htm#p336>, accessed 7.07.2020 (in Russian).

Toivo U. (2001) *Estonia and the Estonians*, Palo Alto: Hoover Press.

Tomz M.R. (1994) *The Morality of Secession*, Oxford: Magdalen College.

Treiman J. (1990) The Soviet Secession Law Is a Sham. *Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*, vol. 36, no 3. Available at: http://www.lituanus.org/1990_3/90_3_07.htm, accessed 10.12.2020.

Turchin P., Nefedov S.A. (2009) *Secular Cycles*, Princeton: Princeton University Press.

Vergottini G. (2019) Referendum y Secesión. *Teoria y Realidad Constitucional*, no 43, pp. 103–119. DOI: 10.5944/trc.43.2019.24400

Walker E.U. (2003) *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union*, Lanham: Rowman and Littlefield.

Yarve P. (2013) Soviet Heritage and Modern Ethnopolitics of the Baltic State. *Ethnic Politics in the Baltic States* (eds. Poleshuk V.V., Stepanov V.V.), Moscow: Nauka, pp. 39–63 (in Russian).

Yuzhanin M.A. (2011) Ethno-national Policy of the State in a Multi-ethnic Society. *Sociology of Power*, no 6, pp. 176–184. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17106548_71256692.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Zepa B. (2013) Discourse on Immigration Policy Formation in Latvia. *Ethnic Politics in the Baltic States* (eds. Poleshuk V.V., Stepanov V.V.), Moscow: Nauka, pp. 343–358 (in Russian).

Zorin V.Yu. (2003) From National Policy to Ethno-cultural Policy: Problems of Formation of Doctrine and Practice (1990–2002). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 6, no 3, pp. 122–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-natsionalnoy-politiki-k-etnokulturnoy-problemy-stanovleniya-doktriny-i-praktiki-1990-2002-gg>, accessed 07.08.2020 (in Russian).

Zunda A. (2011) *Baltijas Valstu Jautajums. 1940–1991*, Riga: Zvaigzne ABC.